

Мороз, Красный Нос — эпизод 3 из 7

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,
Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилось рекой.
Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:
Голубчик ты наш сизокрылой!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,
Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...
Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей
Одумал а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горячими нам!
Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины
Хозяйка без мужа в дому.
Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной

По лету сберешь урожай!
Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!
На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили:
Покушай, желанный, родной!
А сами напротив бы стали
Кормилец, надежда семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...
На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.
На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные
Капуста да с хлебушком квас.
Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.
Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.
Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок,
Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.
Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..
В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.
С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.
Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.
Немало и тут доставалось
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.
Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.
Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,
Продрогнешь, натерпишься страху,
А там и опять ничего!
Да видно хозяин дал маху
Зима доконала его!..
Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,

Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:
Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился
Нет голосу, в теле пожар!
Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет не поправился он!
Тогда ворожеек созвали
И поят, и шепчут, и трут
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,
Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь,
А плохо не пьет и не ест!
Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя
Случившийся тут предлагал.
Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь
Пошла в монастырь отдаленной
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.
Пошла, воротилась с иконой
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер...
...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.
Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать
Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.